
О. Камов

За еврейчиками

Рассказ

J. D. S.

Пришел сентябрь, сады наполнились ароматами созревших плодов. В этом году мы с Хэнком твердо решили отправиться за еврейчиками на ферму около восьмьдесят четвертого хайвея. Мы загребли за лето немало монет: стригли газоны, красили дома, прогуливали собак в нашем небедном городке... Нам должно было хватить. Пора на зуб попробовать этих маленьких бестий, сейчас каждая телка при знакомстве спрашивает первым делом: «Вы уже наслаждались Холо-косто?» А ты мямлишь сумбурно: «Как-то не пришлось, в прошлом году неурожай нектаринов был». Холо-косто — это же не просто незабываемый деликатес, а настоящий удар. И не только по кошельку, а по чувствам и по мозгам, покрепче любой дури, гарантированные двадцать четыре часа ощущения, что этот мир создан персонально для тебя и принадлежит тебе целиком и безо всяких исключений — по крайней мере все приобщившиеся так говорят, шепотом, конечно, громко высказываться на эту тему считается неприличным. Может, потому, что самое сильное воздействие приходится, по свидетельствам испытавших, как раз на мужской аппарат — такую радость жизни обычный секс принести неспособен. Или по другой причине, чего тут заморачиваться, мы же молодые, не особо опытные, вот и попробуем, и сравним. Да, интересно, что у женщин, по-видимому из-за гормональных различий, холо-косто вызывает лишь вкусовые ощущения — и больше ничего. Но при сексе в первые сутки после дегустации весь кайф передается без остатка прямо от наших приборов нашим партнершам, они знают это и спланируют на нас с Хэнком, как пчелы на цветки-медоносы, тогда и погуляем все вместе.

Еврейчики появились в наших краях не так давно, вскоре после Второй Африканской, говорят, они приплыли из тех краев на авианосце «Барак Х.Обама» вместе с уцелевшими морпехами, мы поинтересовались у деда Джо, он с ходу послал нас неудобно сказать куда. Да еще дебилами обозвал. Говорят, на родине они были простыми волнистыми попугайчиками, но после той исторической нюк-бомбардировки в Первой Африканской очень быстро мутировали, потеряли перья вместе с крыльями, и со своими загнутыми клювиками, красными глазками, сохранившейся под жуткой

Автор, сочиняющий под псевдонимом О.Камов, — специалист в области прикладной и вычислительной физики, окончил МФТИ, работал в одном из московских академических институтов. Рассказы опубликованы в журналах «Знамя», «Урал» и др.

В «ДН» печатается впервые.

радиацией способностью к звукоподражанию с царапающим ухом измененным «г-г-г» вместо мягкого «р-р-р» и общим убогим видом напоминали жалких смешных человечков, чем и приглянулись пассажирам «Обамы» — общение с ними врачевало хлебнувших лиха ребят. Почти все маленькие лекари не вынесли дороги и сдохли, пока Атлантику пересекали, только несколько счастливицков добрались до родимых хозяйских домов. И стоял сентябрь, и сады на Ист Коаст были наполнены ароматами созревших плодов.

И один замечательный ветеран, вроде нашего деда, дай им всем бог здоровья, вынес двух квелых малюток на свежий воздух и посадил на ветку нектаринового дерева, росшего в его небольшом саду в сельской местности недалеко от нашего городка. Чувак был поражен, как быстро бывшие птички оклемались: заголосили по-своему, попробовали спелый нектарин, потом трогательно прижались друг к другу и сразу начали мастерить что-то типа гнезда. А когда листва с дерева облетела, меж ветвей уже спало шесть африканцев — к папе и маме добавилось четверо детей. По легенде, хозяин переложил их, сонных, в коробку, зимой бы они замерзли без перьев, и держал в доме до следующего сентября. Ну и так далее, за годом год, пока им тесно на дереве не стало. А обычные пушистые персики, или гладкие сливы, да и вообще любые другие фрукты и овощи их не интересовали совершенно. И никакие они не еврейчики тогда были, просто создания без имени, но это не мешало им размножаться в полюбленном месте с ураганной скоростью.

А потом один предприимчивый фермер понял, что на всем этом можно хорошо заработать, выкупил малышей у морпеха и начал разводить их уже в промышленных масштабах. Он совсем не сентиментальный человек был: «Бычков разводят, и цыплят, и рыб, даже креветок, — думал он, — а потом продают, покупают, жарят-варят-едят... Чем эти хуже?» Волею небес он сделался монополистом в новом бизнесе, голые маленькие твари не хотели размножаться нигде, кроме нашего графства, пусть и на нектаринах. Конечно, он уже успел продегустировать уродиков и нашел, что их мясо не хуже куриного, а больше ничего не обнаружил, мужик давно дружил с дурью, только вдруг вспомнил о последней закупке в даунтауне нашего городка: «Ну и вставляет, зараза, неблябывалый доп!» Он не знал толком, как этот продукт готовить, но прикинул, что они же ничего, кроме нектаринового сока, не пьют — ну какие тут отходы? — кидай их, как креветок, в подсоленный кипяток и вынимай через пару минут готовыми. Так и поступил, только показалось ему, что когда опускал в кастрюлю на газу еще живых безымянных, услышал резкое «Каг-г-гаул!» или «Пг-г-гощайте!». Он тогда вздрогнул, а после решил: глюк, надо слегка тормознуть.

Заметили, как я подробно обо всем рассказываю? Будто видел все своими глазами. Я очень дотошный, в любом деле хочу до истины докопаться, человек двадцать расспросил. Кто-нибудь подумает: «Какие проблемы, вали в интернет — и гугл с тобой». Не-а, там столько вранья, каждая мразь норовит себя героем выставить, памятник себе при жизни строит, поэтому я поступаю по старинке. Мама называет меня аналитиком, а Хэнк — практиком. Мы очень разные, хоть он мой брат родной и всего на год младше. Даже внешне отличаемся: я длинный и худой, а он приземистый и раза в два шире меня в плечах, очень сильный, страха вообще не знает. Он сначала действует, а потом думает. И его крепкие кулаки редко его подводят, поэтому он такой самоуверенный. Он мне очень напоминает деда Джо, хотя Хэнк его втайне ненавидит, причем за те же качества, которыми и сам отличается: вспыльчивость и гордость. «Говна кусок, — цедит Хэнк сквозь зубы. — Пусть своим морпехам командует, что делать и как жить». А в лицо такое деду сказать — слабо, хоть тому скоро восемьдесят стукнет, вы бы посмотрели, как он, раздевшись по пояс, дрова для камина колет! И сколько тех морпехов в живых осталось?

Не раз страдал я из-за несдержанности брата. Перекидывались с ним однажды футбольной дыней на поле возле старых каменоломен, я хоть и выше, но у него руки длиннее, он запузыривал мяч черте куда, мы оба разгорячились, тяжело дышали. И тут откуда-то возник этот поддатый мэн, огромная мясная гора. «Эй, мелочь! — крикнул он Хэнку. — Дай-ка мне болл, я вам сейчас покажу, как это работает». Брат завелся с пол-оборота: «Вали отсюда нахер, папа, выпил — и катись к своей гребаной маме». А мэн: «Ты чего перднул, сосун?» — и идет прямо на него. Я на всех парах бегу к ним, кричу: «Извините, сэр, у нас нет времени, нам домой надо!» А тот: «Сейчас я вас обоих в жопу...» Хэнк ему по грудь, кинул мяч в сторону, смотрит будто спокойно, но внутри наверняка все кипит, приготовился, ноги поставил удобно. Мужик подошел, замахнулся. И в этот момент брат засадил ему кулаком между ног. Я такого пронзительного крика в жизни не слышал, громче нашей электрички. Мужик падал без рук, как камень, а этот засранец уже хватал с земли большой булыжник — чтобы добить! Я даже не ожидал от себя такой прыти: через мгновение висел на его руке. Так он меня левой, по уху, до крови... А недавно шли с ним гуськом по узкой тропинке в лугу около реки, трава по пояс, он — словно в лодке, будто воду загребает своими руками-веслами. Нет, неточно, я подольше подумал и говорю весело: «Ты будто на четырех идешь, как орангутан», — смешно же. Он повернулся ко мне: «Не был бы ты моим братом — ты бы свои зубы выплюнул, мудака». Уверен: так бы и случилось. Но к вечеру он уже остыл, он отходчивый.

Я иногда думаю: если Хэнк такой молодой и горячий, что же Джо в своей Африке вытворял? Его ведь годами специально учили убивать, он даже в собственном гнезде зверь зверем бывает иногда. Недавно дал нам просрать из-за Бебе, которая его мама, а наша прабабка, ста двух лет от роду. Думаете, до такого возраста не доживают? — еще как! Ее полное имя Берта, так что одно «Бе» понятно, а насчет второго спросить можно только ее сына, а это немного стремно — опять нагубит, пошлет подальше или, наоборот, допрос устроит с пристрастием: откуда такой интерес, чего задумал, сынок, погляди-ка мне в глаза, в глаза, говорю, глядеть, сучий потрох! В этом году на Четвертое июля прямо перед праздничным обедом он при всех родных долго расшнуровывал свой ботинок, а после завязал вытащенный длинный сырмятный шнурок узлом вокруг крючка, на котором его форменная фуражка висела, и сказал весомо: «Если кто Бебе обидит — лучше ему на этом шнурке самому удавиться, пока я не наделал кучу шнурков из мерзавца, я там таких штабелями валил, пусть все запомнят». Неслабо? — как бы пожелал всем приятного аппетита, я с трудом слюну сглотнул. Хэнк наклонился к моему уху: «Обоих гасить надо, суку вонючую — первой».

Бебе проводила дни в постели даже не потому, что стоять не могла, а по причине действительно невыносимого смрада своей угасающей плоти, по сравнению с которым скунсова струя благоухала, как лосьон после бритья. А с мозгами у нее было все в порядке, хотя обычно все наоборот случается. «Это я гнию, — говорила она нам с братом. — Что, не нравится моя вонь?» Я молчал, а Хэнк смело отвечал: «Не нравится». — «А мне — ничего, — продолжала Бебе. — Принимаюсь, свое не пахнет, правда, Дэнни?» Я опять молчал смущенно, а он: «Еще как пахнет». — «То-то ты знаешь, Хэнки, ты же на свет в белом смокинге явился, проверь себя лет через восемьдесят. Правильно говорят: маленькая собачка — большое говно». Я видел, как у него загораются скулы, бормотал: «Бебе, нам пора, мы сегодня у Андерсонов стрижем...» — и уводил его, упирающегося, прочь от греха подальше. Может, она деду и настучала, конечно, без имен, иначе бы действительно смертоубийство вышло, она же не умалишенная была, умнее многих, только очень язвительная, ничего не прощала. Пару лет назад в спальне Бебе установили над кроватью огромную бесшумную вытяжку — лучше чем в химлаборатории в нашей школе — и одновременно непрерывно забирала воздух снаружи — чуть полегчало. А потом я предложил поставить кругом

камеры и плоские экраны, чтобы она не чувствовала себя одинокой — и ей это очень понравилось, а всем остальным обитателям нашего большого дома — тем более.

Что-то далеко от темы отъехал. В общем, когда открылся рынок для массового потребителя и меньше чем через месяц обнаружилось волшебные эффекты, фермер понял, что раскопал золотую жилу. Не хватало лишь рекламы — товар без имени не продать. Тогда-то и появились все эти еврейчики, холо-косты, маленькие сачки на длинных ручках и перфорированные грязно-белые мешочки — чтобы ловить еврейчиков и хранить еврейчиков, красивые банки с пряной смесью эй-джу, которую нужно добавить в кипяток, прежде чем окунать туда еврейчиков... — стоит ли упоминать всю эту чепуху в тени Эйфории, которую мы обязательно словим с Хэнком — если не на этой неделе, то на следующей, могу поспорить. И пусть заткнется со своими страшилками наставлявший меня супербзделоватый ботан-новичок из университета штата: дескать, где-то кто-то якобы впадал после в долгую депрессу с постоянными рыданиями, рвотой и даже полным отвращением к сексу, — дайте нам право совершить свои ошибки, дайте шанс рискнуть и выпустить в награду победные шампанские пузырьки через нос.

А вчера, когда сражался с компьютером в одной клевой игре, на экране возникла Бебе: «Дэнни-бой, не можешь зайти сейчас ко мне?»

Когда я вошел, она сказала: «Заметь, почти не воняет, прикрой дверь, пожалуйста... смелее, смелее, вон на подоконнике кислородная маска на всякий случай». Я, как обычно, сделал все молча, — странно распинаться на такие темы.

«Я слышала, вы с братом собираетесь на ферму за еврейчиками, — начала Бебе. Интересно, откуда узнала? Хотя мы и не особенно скрывали: мы уже не дети, у меня водительские права есть, Хэнк свои через месяц получит, денег у родителей не просим и проводить свое свободное время можем как пожелаем — чего ей надо? — Мне не нравится эта затея, мальчик».

«Почему, грэнгрэнни? — вежливо спросил я. — Мы уже взрослые, с девушками серьезно встречаемся, у нас в классе многие ребята еще в прошлом году наслаждались холо-косто...» — ну чего привязалась, вредная старуха?

«Как раз из-за еврейчиков. Ты хоть знаешь, кто они такие?»

«Какая разница: еврейчики, китайчики, итальянчики — это же только реклама, вот мы все американчики, все говорим на одном языке — договорились ведь, все немислимых цветов кожи, глаз и волос — никого не волнует, на деньгах даже написали, что все верим в Бога — кому мешает?»

«Мне, — твердо, как только могла, ответила вонючка. — Мне, Берте Айронс, еврейчику и потомку еврейчика, замученного в том самом холо-косто вместе с другими еврейчиками общим числом около шести миллионов, неужели не слышал?»

«Нет, честно, это же наверняка очень давно было, разве не пора забыть старые войны и прочие бешенства невежественных людей?»

«Окей, забывай, если так, а мне уже поздно. Только постарайся запомнить одну малость: вы с братом — тоже потомки того еврейчика, и участвовать в этом шутовском карнавале — как срать на его могилу, а теперь выметайся отсюда к гребаной матери, твой вонючий еврейчик устал».

Уже через три дня, в прекрасную погоду, мы запарковались на ферме около восемьдесят четвертого хайвея среди десятков других автомобилей, получили сачочки с мешочками и остались ждать свою VIP-тележку: Еврозона располагалась в самом дальнем углу бескрайнего сада, большинство гостей приехали за персиками, сливами, грушами-яблоками и могли добраться до деревьев своим ходом. Мне вдруг тоже захотелось пройтись пешком, заценить местные красоты, подышать чистым воздухом,

всех дел-то — на полчаса-час. Хэнк не возражал, двинули неторопливо. Переспелые плоды приземлялись с глухим звуком то тут, то там. Мы подняли с травы два больших красных яблока, слегка обтерли о рубашки, вгрызлись: теплый шипящий сок щекотал подбородок что твое шампанское. Кругом щебетание детских голосов, кое-кто уже распаковывал в тени домашние припасы — идиллия и только, стопудовая радость жизни...

Подходили к нашим нектаринам в тишине и одиночестве. Мне вдруг показалось, что слышу слабые невнятные стоны — не то ли самое «пг-г-гощайте»? Ноги мои слегка задрожали, беспечное настроение испарилось.

Вот и они. Сидят. Моргают своими воспаленными глазками. Трясутся. Или это мои непослушные ноги? Каждого можно легко брать голой рукой — никакого сопротивления, никакого отпора. Финальная встреча с судьбой. Хэнк схватил одного, потом посадил обратно — тощий, стал искать пожирнее. Вот пара: братья? А может супруги? Или любовники молодые? Сканируют меня, как камеры наблюдения в спальне Бебе, закрываю глаза. Опять открываю, беру этих, осторожно кладу в мешок. Стонут, ну точно стонут. Разворачиваюсь, говорю ему: «Все, пошел, догоняй». И прочь, прочь отсюда...

Вернулись, взвесили добычу, заплатили, получили свою бесплатную эй-джу, встали в небольшую очередь за бургерами и колой — перекусить на природе после трудов. Нашли свободный столик, выложили на него тарелки, бутылки и котомки. Две маленькие девочки рядом спросили с пониманием: «Еврейчики?» Я подтвердил. И вдруг заплакал навзрыд.

Хэнк отхватил огромный кусок бургера, пропыхтел с трудом: «Тебе к ним надо!» — и кивнул головой в сторону.

И тогда я неожиданно ударил его. Кулаком. В лицо. Изо всех сил. А потом еще раз, и еще. Я не смог даже сбить его на землю, кровь текла у него из носа, смешиваясь с кетчупом и непроглоченной пищей. Он не сделал ни единой попытки ответить, только глядел на меня изумленно. Дети за соседним столиком визжали от страха, к нам уже бежали охранники, а я выкрикивал случайные слова и пытался дотянуться до слабо шевелящейся холстины на краю, пропитанной ароматами созревших нектаринов.